

УДК 159.9 © Т. А. Кудинова, А. В. Резникова, Д. М. Кабулов, 2018
DOI: 10. 24411/1999-6241-2018-14005

Язык ненависти как фактор эскалации лингвистического геноцида в контексте современной этноязыковой конфликтологии

Кудинова Таисия Анатольевна¹,

доктор филологических наук, профессор. E-mail: ktaisija@yandex.ru

Резникова Анна Викторовна²,

кандидат социологических наук, доцент. E-mail: annreznikova@yandex.ru

Кабулов Дмитрий Маирбегович²,

слушатель. E-mail: shaxboz.shakirov.97@mail.ru

¹ Ростовский филиал Российской таможенной академии, Ростов-на-Дону, 344002, Россия

² Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, 344015, Россия

Аннотация. Рассматриваются основные аспекты проблемы эскалации языкового геноцида в контексте современной языковой конфликтологии. Определяются и описываются следующие феномены объективной действительности: язык ненависти, лингвистический, или языковой, геноцид. Указанные явления, возникающие как следствие иррациональной языковой политики, формируют принципы ложной национальной идеи, имеющей в основе националистическую теорию о превосходстве одной нации, ее культурных и языковых традиций над другими. Особое внимание уделяется вопросам противодействия данной деструктивной этноязыковой политике, приводящей к эскалации экстремистской активности, ущемлению прав национальных меньшинств по языковому признаку, бесконтрольному использованию инвективной лексики на различных уровнях, в том числе и на государственном.

Ключевые слова: язык ненависти; риторика гнева; языковая конфликтология; языковой геноцид; лингвоцид; пропаганда экстремизма; лингвальная система.

Для цитирования: Кудинова Т. А., Резникова А. В., Кабулов Д. М. Язык ненависти как фактор эскалации лингвистического геноцида в контексте современной этноязыковой конфликтологии // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 4(75). С. 27–30. DOI: 10. 24411/1999-6241-2018-14005

Основные положения

1. На фоне глобальных трансформаций обостряется «лингвистический геноцид», определяемый как комплекс мер административно-политического и экономического характера, направленных на искоренение языка, как правило, в регионах его исконного распространения.

2. Языковой геноцид — это открытая дискриминация национального меньшинства на использование родного языка как права на свободу волеизъявления, обучения и отправления религиозных обрядов на языке своего народа.

3. Политика языкового геноцида является непродуктивной и разрушительной для самого государства, ее пропагандирующего.

Введение. Значительные изменения, происшедшие за последние годы в мировой геополитической и социально-экономической сфере, повлекли за собой большие трансформации в умах и настроениях представителей различных национальных и конфессиональных групп, в результате чего навязываются те или иные жесткие правила, регламентирующие существование индивида в социуме, игнорируются исторически сложившиеся ценностные ориентиры и этические нормы, поскольку функционирование личности происходит в отрыве от общества. Нестабильность политических систем, отсутствие четкой и рациональной экономической парадигмы, социальные и ценностные девиации общественного сознания служат причиной эскалации межнациональной и этноконфессиональной розни, приводящей к возникновению протестных движений и даже локальных вооруженных конфликтов.

В наше время в контексте этноязыковой конфликтологии одна из самых важных проблем заключается в широком распространении феномена лингвистического геноцида, одним из характерных признаков которого можно считать широкое использование «языка ненависти» и «риторики гнева» в средствах массовой информации, социальных сетях, а также на государственном, законодательном уровне.

Определение понятия языка ненависти. Понятие «язык ненависти» включает в себя набор языковых средств и синтаксических приемов, оскорбляющих людей (или общество в целом) по расовому, этническому, гендерному, религиозному признакам, а также по состоянию здоровья и сексуальной ориентации [1]. Языковые средства, характерные для «языка ненависти», не являются нормативной общепринятой лексикой, маркируются как инвективы и находятся под запретом как на бытовом, так и на государственном уровне. Однако их широкое употребление становится массовым.

Интенсивное использование «языка ненависти» в средствах массовой информации и в социальных сетях, даже при отсутствии прямого призыва к действиям экстремистского и иного противоправного характера, производит эффект «разорвавшейся бомбы». В зоне особого риска оказывается юное поколение, именно в этой среде экстремистские идеи находят наиболее благоприятную почву для развития, поскольку социально-экономическая неопределенность и незрелость личности молодого человека формируют особенности его мышления. Как видим, цель деструктивной языковой политики — молодежь [2].

Таким образом, именно на фоне глобальных трансформаций происходит обострение явления «лингвистического геноцида», которое определяется как комплекс мер административно-политического, а также экономического характера, направленных на искоренение языка, обычно в регионах его исконного распространения.

Следует заметить, что автором термина «лингвистический геноцид» («лингвоцид») считают лингвиста Я.-Б. Рудницкого, впервые употребившего его в 1967 г. [3]. Лингвоцид наблюдается в том случае, когда носители иной языковой традиции не истребляются физически, как при геноциде, но подчиняются определенной языковой доктрине, фокусом которой выступает принудительная языковая ассимиляция.

В своих трудах Я.-Б. Рудницкий формулирует несколько любопытных тезисов, напрямую сопряженных с современной языковой ситуацией на территории нескольких бывших союзных республик. Рассмотрим один из них. Угроза превращения двуязычного общества в одноязычное с доминантным языком общения, по мнению ученого, будет неизбежно присутствовать на протяжении всего развития общества. Поэтому необходимо защищать и даже увеличивать языковые права группы «за счет благосклонного отношения окружения, создания благоприятных условий для локализации языковых ресурсов», т. е. для поддержки языка как средства общения в пределах данного общества [3].

Интересен тот факт, что Я.-Б. Рудницкий определяет право общения на родном языке как составляющую часть базовых человеческих прав и считает любую поддержку со стороны части общества или власти одного языка за счет другого лингвоцидом. Кроме того, наличие или отсутствие такой поддержки зависит от уровня развития демократии. Особого внимания заслуживает также его тезис о том, что языковые меньшинства следует не просто не подвергать дискриминации, а, напротив, поддерживать на государственном уровне [3].

Упомянутые положения вызывают недоумение в свете последних событий, происходящих на территории братской Украины: все то, что украинский националист Я.-Б. Рудницкий, проживавший в эмиграции в Канаде, пытался предъявить в качестве обвинения советской власти, сейчас с успехом его идейные единомышленники осуществляют на Украине.

Политика лингвистического геноцида выражается в тотальном отрицании языка как отдельной лингвальной системы; отрицании права национальных меньшинств на коммуникацию на родном языке; запрете на использование родного языка при условии непризнания его государственным; откровенном или косвенном унижении представителей национальных меньшинств, осуществляющих речевую практику на своем языке [4]. Учитывая указанные факты как существующие реалии, считаем возможным дать конкретное толкование феномену языкового геноцида. Языковой геноцид — это открытая дискриминация национального меньшинства на использование родного языка как права на свободу волеизъявления, обучения

и отправления религиозных обрядов на языке своего народа. Надо отметить, что очень болезненный удар в связи с распространением данного феномена был нанесен именно по русскоговорящему населению, проживающему на территории других государств.

Деструктивная этноязыковая политика. Как известно, лингвоцид — результат длительного воздействия сил деструктивного характера, способствующих эскалации явлений русофобии и неприятия «русской культурной традиции». Плодородной почвой для взращивания националистических идей, поддерживаемых квазинаучными и псевдоисторическими концепциями, религиозными догмами и экстремистской философией, стал кризис духовности населения, что привело в конце концов к бесконтрольному увеличению количества экстремистских и националистических группировок, прикрывающихся «национальной идеей» [5].

Иллюстрацией пропаганды деструктивной этноязыковой политики в контексте данного социально-политического феномена могут служить события, захлестнувшие Украину. Большое количество унижительных прозвищ для граждан Российской Федерации: *москаль, кацапы, мокши, ватники, вата, орда, монголы* — было придумано именно радикально настроенными украинскими националистами. Использование подобных номинаций с ярко выраженной пейоративной окраской и провокационной направленностью, как правило, приводит к дальнейшему усугублению напряженности во взаимоотношениях между двумя странами. Но еще большую опасность представляет внедрение лексических моделей инвективного характера в образовательные программы и, как следствие, в умы подрастающего поколения. Такое чудовищное влияние на неокрепшее сознание молодежи не может быть оправдано ни одной национальной идеей и способствует воспитанию национализма, в частности русофобии, в самом неприглядном его аспекте, культивирует неприятие инакомыслия, инокультурности, порождает идею о превосходстве и доминировании одной расы или нации над другой [6].

В соответствии с Европейской хартией региональных языков* русский язык сохраняет статус регионального там, где его считают родным не менее 10% населения, т. е. русский язык мог бы получить такой статус в 13 из 24 областей Украины. Тем не менее с полнейшим нарушением Европейской хартии региональных языков в Верховной Раде был зарегистрирован законопроект об обязательном использовании украинского языка во всех сферах государственной и общественной жизни, а также в СМИ.

За нарушение языкового законодательства предусмотрена административная и уголовная ответственность в Украине. Попытки внедрения в Украине официального многоязычия приравняются к попыткам насильственного свержения государственного строя (ст. 109 УК Украины), а публичное выражение неуважения к украинскому языку расценивается как надругательство над государственной символикой Украины (ст. 338 УК Украины) [7].

* URL : <http://docs.cntd.ru/document/1902299> (дата обращения: 05.05.2018)

Украина продемонстрировала официальное внедрение лингвистического геноцида как норму государственного ориентира, т. е. 5 сентября 2017 г. Верховная Рада Украины приняла закон об образовании, который вводит фактический запрет на преподавание на любом языке, кроме украинского. Как видим, данная ситуация является неприемлемой как для русскоязычных граждан, так и для представителей иных национальных меньшинств.

Деструктивность перечисленных политических решений не вызывает ни малейших сомнений. Запрет на коммуникацию на родном языке являет собой акт ущемления прав иноязычной части населения, подавления прав граждан на проведение религиозных обрядов на исконном языке, в результате чего это табу есть самый настоящий лингвоцид.

Кроме того, в контексте языковой политики лингвистического геноцида и бесконтрольного использования «языка ненависти» существует не менее серьезная проблема пропаганды экстремизма в средствах массовой информации, а также в социальных сетях — привлечение людей для вербовки в ряды экстремистских организаций разного толка. Широкое распространение эта пропаганда получила вследствие многолетней недальновидной молодежной политики: недостаток финансирования свел к нулю все достижения Советского государства в сфере молодежной политики, в результате чего перестали функционировать молодежные организации и общественные объединения, направляющие сознание молодых людей в нормальное русло. На смену пионерским и комсомольским организациям пришли экстремистские националистические группировки, укрепившие в общественном сознании многие идеи экстремистского характера как нечто приемлемое и, более того, единственно правильное [8].

Как отмечалось выше, одной из наиболее значимых причин столь масштабного распространения экстремистских настроений в обществе, способствующих укреплению позиций деструктивной языковой политики, приводящей в итоге к лингвоциду, является активное насаждение неверно сформированной идеи национальной идентичности, основанной на теории превосходства одной нации, ее языка и культуры над иными. Эти социальные, межнациональные и религиозные конфликты, поддерживаемые националистическими идеями, тиражируемыми средствами массовой информации, способствуют возникновению локальных и масштабных военных действий, «цветных» революций, агитационных маршей «несогласных» и прочих противоправных действий, ставящих перед собой единственную цель — насильственную смену действующего режима.

При этом экстремизм как феномен в широком аспекте направлен на иное истолкование и внедрение в сознание общества устоев национальной идентичности, религиозной, культурной и языковой традиции, разжигание

межэтнической розни, а «язык ненависти» и продвижение языковой политики лингвоцида становится эскалатором этого деструктивного процесса.

Истории известны примеры деструктивной образовательной парадигмы, основанной на националистических идеях о расовом, культурном и языковом превосходстве, как и итог подобных социальных опытов.

Страны Прибалтики, Украина, Грузия и другие бывшие союзные республики отторгают историческую правду, разрушают свою государственность ложной национальной идеей о целесообразности отказа от использования региональных языков как части культурной идентичности народов, проживающих на территории государства. Политика языкового геноцида является непродуктивной и разрушительной для самого государства, ее пропагандирующего.

На наш взгляд, в вышеназванных государствах следует считаться с русскоязычным населением и поставить вопрос о необходимости придать русскому языку статус если не государственного, то регионального языка — языка делопроизводства, поскольку треть населения стран прекрасно владеют русским языком и считают себя русскоговорящими. Стремление к многополярному миру, созданию условий для ассимиляции культурной традиции инокультурных социумов, воспитанию толерантности, гуманизма, недопущению или прекращению уже возникших межнациональных и религиозных конфликтов должно стать краеугольным камнем в построении мощного социально развитого государства, претендующего на звание демократического. И одним из главнейших направлений в данном контексте следует считать ориентацию на здравомыслие в вопросах осуществления межкультурной коммуникации, уважительное, толерантное и сдержанное отношение ко всем проявлениям особенностей носителей иной культурной традиции.

Заключение. Следует ввести строгий запрет на использование «языка ненависти», «риторики гнева» не только на государственном, но и на межгосударственном уровне, что в значительной степени будет способствовать установлению добрососедских и партнерских отношений между государствами. Нужно отстаивать интересы русскоговорящих граждан иных государств в вопросах ущемления их языковых прав не только во внутрисоюзном правовом поле, но и на глобальном уровне обеспечить правовую поддержку с привлечением международных экспертов в данной сфере [9].

Необходимо стремиться к созданию многополярного мироустройства, созданию условий для ассимиляции культурных традиций, существующих вне зависимости от территориальной принадлежности, воспитанию толерантности и гуманизма.

Список литературы

1. Резникова А. В., Худяков Б. Х. К вопросу об использовании «языка ненависти» как средства пропаганды экстремизма в молодежной среде // Актуальные проблемы лингвистики формирования языковой компетенции юристов в современных условиях : сб. мат.-лов всерос. науч.-практ. конф. Ростов н/Д, 2018. С. 39–41.
2. Привалова И. В. Интеркультура и языковой знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации) : монография. М., 2005. 472 с.

3. Rudnykyy J. B. Ukrainian Linguistics in Exile (1918-1984). Papers in the History of Linguistics. Edited by Hans Aarsleff, L.G. Kelly, Hans-Josef Niederehe. (Amsterdam studies in the theory and history of linguistic science. Series III, Studies in the history of language sciences; v. 38.) Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1987. P. 644.
4. Резникова А. В., Калашникова А. А. Этноязыковые конфликты: «язык ненависти» как средство идеологической борьбы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 8-2(62). С. 154–156.
5. Посиделова В. В. Лингвистический и правовой аспекты инвективной лексики русского языка // Философия права. 2016. № 2(75). С. 13–17.
6. Патюкова Р. В., Кудинова Т. А. Специфика статусно-ролевого публичного дискурса: медийный аспект // Вестник Пятигорского государственного университета. 2017. № 2. С. 82–85.
7. Славко М. Лингвистический геноцид. Чем может обернуться новый украинский законопроект «О языках». URL: http://www.stoletie.ru/vzglyad/lingvisticheskij_genocid_399.htm (дата обращения: 05.05.2018).
8. Резникова А. В. Когнитивная близость концептов «экстремизм» и «радикализм» в контексте современной этноязыковой конфликтологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9-3(63). С. 161–163.
9. Cherkasova M. N., Patyukova R. V., Kudinova T. A., Olomskaia N. N. The language of insult: the conflict of interpretations (linguo-juridical approach to the problem) // Man in India. 2017. T. 97. № 15. Pp. 527–538.

Поступила 10.06.2018

UDC 159.9

Hate Speech as a Factor of Linguistic Genocide Escalation in the Modern Ethno-Linguistic Conflictology

Taisia A. Kudinova¹,

Doctor of Sciences (Philology), Professor. E-mail: ktaisija@yandex.ru

Anna V. Reznikova²,

Candidate of Sciences (Sociology), Associate-professor. E-mail: annreznikova@yandex.ru

Dmitry M. Kabulov²,

trainee. E-mail: shaxboz.shakirov.97@mail.ru

¹ the Rostov Branch of Russian Customs Academy, Rostov-on-Don, 344002, Russia

² Rostov Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, Rostov-on-Don, 344015, Russia

The article considers the main aspects of the problem of linguistic genocide escalation in the context of modern linguistic conflictology. The authors define and describe such phenomena of objective reality as hate speech and linguistic genocide. These phenomena, resulted from irrational language policy, form the principles of a false national idea, which is based on the nationalist theory of the superiority of one nation, its cultural and linguistic traditions over others. The focus is made on the issues of counteracting this destructive ethno-linguistic policy, which leads to the escalation of extremist activity, infringement of the rights of national minorities on linguistic grounds, uncontrolled use of invective vocabulary at various levels, including the state level.

Keywords: hate speech; rhetoric of anger; linguistic conflictology; linguistic genocide; linguistic; propaganda of extremism; lingual system.

Citation: Kudinova T. A., Reznikova A. V., Kabulov D. M. Hate Speech as a Factor of Linguistic Genocide Escalation in the Modern Ethno-Linguistic Conflictology. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 4(75). 2018. Pp. 27–30. DOI: 10.24411/1999-6241-2018-14005

References

1. Reznikova A. V., Khudayarov B. Kh. To the Issues of Using "Hate Speech" as a Means of Promoting Extremism in Youth. Modern Linguistics Problems of Formation of Lawyer's Language Competence at Present (materials of All-Russian science-to-practice conference). Rostov-on-Don, 2018. Pp. 39–41. (In Russ.)
2. Privalova I. V. Inter-culture and Language Sign (Lingua-Cognitive Basis of Cross-cultural Communication). Moscow, 2005. 472 p. (In Russ.)
3. Rudnykyy J. B. Ukrainian Linguistics in Exile (1918-1984). Papers in the History of Linguistics. Edited by Hans Aarsleff, L. G. Kelly, Hans-Josef Niederehe. (Amsterdam studies in the theory and history of linguistic science. Series III, Studies in the history of language sciences; v. 38.) Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1987. P. 644.
4. Reznikova A. V., Kalashnikova A. A. Ethno-Linguistic Conflicts: "Hate Speech" as a Means of Ideological Fight. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. No. 8-2(62). 2016. Pp. 154–156. (In Russ.)
5. Posidelova V. V. Linguistic and Legal Aspects of Russian Invective Vocabulary. *Philosophy of Law*. No. 2(75). 2016. Pp. 13–17. (In Russ.)
6. Patyukova R. V., Kudinova T. A. Specifics of Status-Role Public Discourse: Media Aspect. *Pyatigorsk State University Bulletin*. No. 2. 2017. Pp. 82–85. (In Russ.)
7. Slavko M. Linguistic Genocide. What can a New Ukrainian Bill "On Languages" turn to be? http://www.stoletie.ru/vzglyad/lingvisticheskij_genocid_399.htm (accessed 05.05.2018) (In Russ.)
8. Reznikova A. V. Cognitive close Connection between Concepts of "Extremism" and "Radicalism" within Modern Ethnolinguistic Conflictology. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. No. 9-3(63). 2016. Pp. 161–163. (In Russ.)
9. Cherkasova M. N., Patyukova R. V., Kudinova T. A., Olomskaia N. N. The Language of Insult: the Conflict of Interpretations (linguo-juridical approach to the problem). *Man in India*. 2017. vol. 97. No. 15. Pp. 527–538.

Submitted 10.06.2018